

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК I

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

Под редакцией
АКАДЕМИКА В. В. СТРУВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

Н. А. Петров

**НАУЧНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ВОСТОКОВЕДАМИ
И ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ-ГЕОГРАФАМИ
В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX в.**

XIX век, как известно, был веком бурного развития дореволюционной русской науки. Во всех ее областях русские ученые внесли неоценимый вклад в мировую науку своими исследованиями и открытиями. Пытливый ум русских людей стремился проникнуть в тайны природы, исследовать неизвестные территории, познать историю живых и исчезнувших народов, их жизнь и быт, язык, письменную литературу и устное творчество.

Рождалась новая наука — востоковедение. Она выдвинула таких известных ученых, как Н. Я. Бичурин, В. П. Васильев, И. Н. Березин, К. Ф. Голстунский, В. В. Радлов, А. М. Позднеев, В. Р. Розен, В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург и другие, чьи труды внесли большой вклад в изучение среднеазиатских народов России и ее непосредственных соседей в Азии.

В неисследованные территории азиатского материка отправлялись одна за другой экспедиции — географические, этнографические и археологические. Через огромные пустыни и высокие горы с риском для жизни совершали путешествия люди, поставившие своей целью заполнить «белые пятна» на географической карте Азии. Славные имена выдающихся русских путешественников — самоотверженных исследователей Азии Л. Э. Регеля, Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, М. В. Певцова, К. И. Богдановича, М. М. Березовского, В. И. Роборовского, В. А. Обручева, А. Д. Клеменца, Г. Е. и М. Е. Грум-Гржимайло, П. П. Семенова-Тян-Шанского и других — навсегда вошли в историю географической науки и выдвинули отечественную географию на одно из первых мест в мире.

Ни востоковеды, ни географы-путешественники не были обособлены друг от друга. Напротив, совершая одно общее дело — всестороннее изучение географии и прошлого народов Азии — они поддерживали между собой тесную связь, помогая друг другу своими знаниями в изучаемых ими областях и тем самым двигали науку вперед. С одной стороны, востоковеды из материалов письменных источников извлекали ценные данные географического характера по Азии, с другой — путешественники-географы во время своих экспедиций занимались не только изучением географии различных стран, но и поисками письменных памятников и предметов материальной культуры народов, населявших когда-то те местности, которые они посещали.

Примером содействия востоковедов географической науке могут служить исследования крупнейшего русского китаевода В. П. Васильева, который еще за 25 лет до Рихтгофена определил Центральную Азию, как страну «спертых вод, окруженную со всех сторон системами рек и озер, доходящих до океанов»¹, и высказал предположение, что реки нынешних Казахской, Киргизской и Узбекской республик в древние времена составляли единую водную систему р. Сыр-Дарья, являясь ее притоками².

Примером содействия путешественников-географов востоковедам могут служить экспедиции П. К. Козлова. Этот выдающийся путешественник, совершивший всемирно-известное открытие мертвого города Хара-Хото, доставил многочисленные ценные письменные памятники, а также предметы материальной культуры народов, населявших Центральную Азию в древности³.

Между востоковедами и географами существовала самая тесная личная связь и большая переписка, из которой можно ясно видеть, как происходил обмен мнениями по научным вопросам между той и другой группой ученых.

Следует указать еще на одну небольшую группу лиц, которые если и не были в большинстве своем непосредственными исследователями Азии, то во многом содействовали им. Мы имеем в виду востоковедов, состоявших на службе в Министерстве иностранных дел в качестве консулов,— Н. Ф. Петровского, Н. Н. Кроткова и др.

Эти востоковеды также сыграли исключительно большую роль. Они были первыми, кто вызвал интерес к изучению древних письменных и материальных памятников народов, населявших западную часть азиатского материка. Вместе с тем они же оказали большую помощь путешественникам-географам.

Акад. С. Ф. Ольденбург, касаясь истории русских археологических исследований, писал в 1921 г., что на древности Восточного Туркестана обратил внимание еще ботаник Л. Э. Регель в 1879 г., но что настоящим «собирателем древностей был известный русский генконсул в Кашгаре Н. Ф. Петровский». В 1891 г. он сообщил о собирании им рукописей и предметов древности⁴. Эти коллекции памятников древней культуры народов Азии поступали в Азиатский музей Академии наук и другие музеи. Мы не останавливаемся на описании этих предметов и рукописей, так как о них имеются статьи в изданиях Академии наук, Восточного отделения русского археологического общества и т. д.

Между Н. Ф. Петровским, с одной стороны, и академиками В. Р. Розеном, С. Ф. Ольденбургом и еще некоторыми учеными, с другой — подерживалась оживленная переписка. Из нее ярко видна научная деятельность Н. Ф. Петровского по собиранию и изучению предметов древности. Так, он делал снимки с арабских надгробных памятников⁵, с монет «Зарби Яркенд»⁶, присылал фрагменты рукописей на санскрите⁷ и многое другое. Он не только оповещал о найденных им предметах, но высказывал ряд интересных соображений, возникших у него в результате

¹ В. Васильев, *Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях* (ЖМНП, ч. 73, отд. II, 1852), стр. 127.

² Там же.

³ Письменные памятники, найденные П. К. Козловым, хранятся в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения, а предметы материальной культуры — в Государственном Эрмитаже под названием «Фонд П. К. Козлова».

⁴ С. Ф. Ольденбург, *Русские археологические исследования в Восточном Туркестане* («Казанский музейный вестник», 1921, № 1—2), стр. 25.

⁵ Письмо Н. Ф. Петровского В. Р. Розену от 27.I.1892 г. (ААН, ф. 777, Оп. 2, ед. хр. № 337).

⁶ Письмо Н. Ф. Петровского В. Р. Розену от 25.III.1892 г. (там же).

⁷ Письмо Н. Ф. Петровского В. Р. Розену от 25.V.1892 г. (там же).

научно-исследовательской работы. Занимаясь отождествлением арабских слов, он высказал надежду, что найдет и «знаменитый город Баласагун»⁸, а результаты обследования одного кургана вблизи Кашгара подали ему идею о древнем Кашгаре, который находился на том месте⁹.

В своих письмах к С. Ф. Ольденбургу Н. Ф. Петровский сообщал, что он занимается также собиранием заговоров, заклинаний и т. п.¹⁰, делился с ним мыслями о сильном влиянии индийской цивилизации на Восточный Туркестан, о местах столкновения ее с цивилизацией, надвигавшейся с севера, о путях из Индии, Тибета и Запада на Хотан, высказывал предположение о местонахождении «загадочного Болора» и т. д.¹¹

В первой четверти XX в. велась переписка между учеными В. В. Радловым, С. Ф. Ольденбургом и консулом Н. Н. Кротковым. Эта переписка свидетельствует о собирании последним коллекции предметов древности, которая была продана Русскому Комитету. Так, в протоколе № 11 от 10 мая 1908 г. заседания Комитета признавалось «...крайне желательным, чтобы собрание Н. Н. Кроткова осталось в пределах России и поступило в Русские музеи...»¹².

Н. Н. Кротков также высказывал различные предположения историко-географического характера. «Здесь кстати будет заметить,— писал он,— что наряду с рассказами, относящими постройку города в Уламбоко временам какого-то мифического царя Дакиянуса, среди жителей Урумчи ходят и другие рассказы, по которым означенный город возник незадолго до появления Якуб-бека в Южной Джунгарии и был разрушен войсками Бадаулета»¹³.

Приведенные примеры свидетельствуют о большом интересе консульских работников к собиранию рукописных памятников и предметов древней материальной культуры, об их стремлении на основе этих материалов проникнуть в историю народов, населявших когда-то обширные территории Центральной Азии. В то же время собранные ими данные и коллекции материальной культуры прошлого вызвали огромный интерес у географов и востоковедов.

Научную связь русских путешественников с востоковедами можно проследить на примере почти каждой экспедиции, отправлявшейся в Азию. Так, Д. А. Клеменц в 1894 г. исследовал обширное пространство между р. Орхоном, Гобийским Алтаем и городом Уласутаем. Результаты этого путешествия оказались «крайне важны для науки и поддерживают вполне предположение акад. Радлова, что Тукюеская (Тюркская) династия лишь на короткое время внесла культуру в бассейн Среднего Орхона и Талы и что в эпоху полного процветания этой династии от IV—VII века тюркские ханы жили в верхнем Иртыше и на южных склонах собственно Алтая и вокруг Тарбагатая»¹⁴. Найденные экспедицией различные памятники древности стали предметом изучения востоковедов. Акад. В. П. Васильев сделал расшифровку китайских надписей, найденных Д. А. Клеменцем на орхонских памятниках¹⁵.

⁸ Письмо Н. Ф. Петровского В. Р. Розену от 16.VIII.1892 г. (там же).

⁹ Письмо Н. Ф. Петровского В. Р. Розену от 3.IX.1892 г. (там же).

¹⁰ Письмо Н. Ф. Петровского С. Ф. Ольденбургу от 15. V. 1893 г. (ААН, ф. 203, оп. 2, ед. хр. № 457).

¹¹ Письмо Н. Ф. Петровского С. Ф. Ольденбургу от 1.VIII.1894 г. (там же).

¹² ААН, ф. 148, оп. 1, ед. хр. № 62, л. 13.

¹³ Письмо Н. Н. Кроткова С. Ф. Ольденбургу от 9. X. 1909 г. (ААН, ф. 208, оп. 2, ед. хр. № 307).

¹⁴ Протокол № XVI заседания историко-филологического отделения Академии наук от 7 декабря 1894 г. § 175. (ААН, ф. 1, оп. 1а, ед. хр. № 141).

¹⁵ В. П. Васильев, *Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-цайдаме и Карабалгасуне* («Сб. трудов Орхонской экспедиции», т. III, СПб., 1897), стр. 36 + 23 стр. (кит. текста) + 3 табл.

Экспедиция 1893—1895 гг. путешественников В. И. Роборовского и П. К. Козлова в Турфан доставила предметы древностей и фрагменты восточных рукописей, уйгурских и сирийских, поступившие на исследование А. О. Ивановскому и С. Ф. Ольденбургу. Найденные материальные и письменные памятники вызвали исключительный интерес в кругах востоковедов Академии Наук. Это видно из открытки (4 марта 1898 г.) Д. А. Клеменца к П. К. Козлову, в которой он писал: «Ввиду громадного интереса, возбужденного открытиями Вашей экспедиции в Турфанском крае, Академия наук собрала особую комиссию для решения вопроса об организации экспедиции в Турфан, академик Радлов покорнейше Вас просит по этому поводу пожаловать в Музей [Азиатский.— Н. П.] для переговоров, рассчитывая, что Вы не откажетесь указать некоторые подробности о местонахождении замеченных Вами древностей...»¹⁶.

По предложению В. В. Радлова в Академии наук была образована специальная комиссия по организации экспедиции в Турфан в составе академиков В. В. Радлова, А. А. Куника, В. П. Васильева, В. Р. Розена, К. Г. Залемана и с приглашением Д. А. Клеменца и С. Ф. Ольденбурга¹⁷. В результате в 1898 г. Академией наук была направлена в Турфан новая экспедиция Д. А. Клеменца с целью исследования развалин древних городов.

Экспедиция продолжалась несколько месяцев, в течение которых Д. А. Клеменц производил раскопки, осмотрел развалины пещер, сделал снимки надписей и т. п. в девяти местах Турфанского округа и собрал много материалов¹⁸, среди которых были и рукописи¹⁹.

В 1899 г. на основании предварительного отчета экспедиции Д. А. Клеменц прочитал доклад на 12-м международном съезде востоковедов в Риме. Этот доклад вызвал интерес у ориенталистов. Там же на съезде возникла идея учреждения в России особого комитета для изучения Средней и Восточной Азии²⁰.

16 октября 1902 г. состоялось первое заседание временного комитета с целью выработки устава Русского Комитета²¹. Проект устава был утвержден 2 февраля 1903 г.²². В дальнейшем он был представлен 13-му гамбургскому съезду востоковедов, который одобрил его.

Как сказано в записке МИД'у, «Комитету вменяется в обязанность заботиться о сохранении для науки всего, что осталось от материальной и духовной жизни прежних веков и чему угрожает от времени или от руки человека, т. е. не только древних построек, городищ, курганов, рукописей и т. п., но также черт языка, быта и устной словесности народов, вымирающих или утрачивающих свои национальные особенности»²³.

На Комитет возлагалось также изыскание средств и снаряжение экспедиций по изучению Средней и Восточной Азии. С. Ф. Ольденбург в

¹⁶ АРГО, ф. 18, оп. 3, ед. хр. № 286.

¹⁷ ААН, ф. 144, оп. 1, ед. хр. № 87.

¹⁸ АРГО, ф. 18, оп. 1, ед. хр. № 313.

¹⁹ Описание этой экспедиции см.: «Nachrichten über die von der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan», Heft 1, St.-Pbg., 1903. |

²⁰ Полное название — «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях». Он имел свой печатный орган — «Bulletin de l'Association internationale pour l'exploration de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient, publié par le Comité Russe».

²¹ В комитет по разработке устава входили ученые В. В. Бартольд, Ф. Н. Васильев, Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, Д. А. Клеменц, И. Я. Коростовец, П. М. Мелиоранский, С. Ф. Ольденбург, П. С. Попов, Э. Э. Ухтомский, Л. Я. Штернберг.

²² ААН, ф. 148, оп. 1, ед. хр. № 59.

²³ ААН, ф. 148, оп. 1, ед. хр. № 91, л. 26.

письме Н. Ф. Петровскому (28 июня 1904 г.) сообщал, что Комитет «получил средства на археологическую экспедицию в Кучу и Турфан» и просил совета, куда лучше поехать²⁴.

Организация и деятельность Русского комитета в значительной степени содействовали географическим исследованиям и открытиям. Так, была снаряжена экспедиция в Кучар, которую возглавил М. М. Березовский. Он, помимо проведения географических изысканий, собрал рукописи²⁵ и ценные памятники древней культуры, переданные в Азиатский Музей и Музей антропологии и этнографии. Таким образом, создание Русского комитета еще более укрепило связь востоковедов с географами-путешественниками.

Вместе с тем востоковеды, по-прежнему входя в качестве действительных членов в Географическое общество, продолжали принимать в его работе самое горячее участие. Географическое общество также отправляло экспедиции, имевшие большое значение для востоковедения. Одной из них была экспедиция П. К. Козлова, отправившаяся в январе 1908 г. из Урги в область Эдзин-гола на поиски развалин г. Хара-Хото, большого культурного центра тангутского государства Си Ся. После длительных поисков город был найден²⁶. Открытие мертвого города обогатило историческую науку новыми данными о Хара-Хото и ввело в научный обиход богатейшие ценности материальной и духовной культуры народов Центральной Азии XI—XIII вв. При раскопках «знаменитого субургана», произведенных П. К. Козловым, были найдены 2,5 тысячи томов книг, множество рукописей на тангутском, китайском, тибетском, уйгурском, персидском, монгольском и неизвестном языках, памятники буддийской культуры и т. д.

Представляют большой интерес записи П. К. Козлова в его дневнике, свидетельствующие о широком диапазоне научных интересов путешественника. Так, 29 мая он писал: «...Эти ступы буддистами сооружались непременно. Туземцы-торгоугы ломают себе головы в догадках, какой жил народ? С одной стороны, земледелие, культура, торговля отличают китайцев, их денежные знаки, письма и проч., с другой же — все буддийское — кого?..., неужели китайцы эти — хара-хотоские, были истыми буддистами или смесь тех и других, т. е. китайцев с тангутами. Мне кажется, письма китайские, многочисленные бумаги в этом отношении должны пролить яркий свет и разрешить этот очень важный вопрос; быть может он уже и разрешен в СПб., на основ. высл. матер...»²⁷.

О постоянных связях П. К. Козлова с кругами востоковедов говорят и другие записи в том же дневнике. «Как будет приятно удивлен С. Ф. Ольденбург, Котвич и Иванов²⁸, — записал П. К. Козлов 11 июля, — все те лица, которые уже сложили у себя представление о Хара-Хото, об умерших обитателях и проч.»²⁹.

В свою очередь востоковеды-ученые обращались к П. К. Козлову по

²⁴ ЛОИВАН, ф. 43, ед. хр. № 6.

²⁵ О рукописях см.: Н. Д. Миронов, *Из рукописных материалов экспедиции М. М. Березовского в Кучу* («Известия Академии наук», 1909, № 8), стр. 547—562.

²⁶ Описание этой экспедиции см.: П. К. Козлов, *Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото*, М., 1948; П. К. Козлов, *Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-Хото*, СПб., 1911.

²⁷ АРГО, ф. 18, оп. 1, ед. хр. № 157.

²⁸ Описание находок П. К. Козлова было сделано этими востоковедами в ряде работ, в частности: А. Иванов, С. Ф. Ольденбург, Вл. Котвич, *Из находок П. К. Козлова в г. Хара-Хото* (ИРГО, т. XLV, вып. VIII, 1909), стр. 463—477; А. Иванов, *Документы из города Хара-Хото. I. Китайское частное письмо XIV века* («Известия Академии наук», 1913, № 11), стр. 811—816; А. И. Иванов, *Страницы из истории Си-ся* («Известия Академии наук», 1911, № 11), стр. 831—836.

²⁹ АРГО, ф. 18, оп. 1, ед. хр. № 157.

интересующим их вопросам. В переписке ученых востоковедов с П. К. Козловым мы находим адресованную ему телеграмму китаевода А. И. Иванова от 11 ноября 1909 г., в которой тот просит разрешения «сфотографировать и опубликовать заметку о тангутском письме»³⁰. А 20 ноября того же года в письме он писал, что «среди рукописей мною был найден параллельный текст и, получив Ваше любезное разрешение, я представил о нем доклад в Академию, которая и постановила напечатать доклад и фотографию текста... Вл. Котвич также нашел, как оказывается, еще при посещении комитета, тангутский текст с тибетским»³¹.

Однако востоковеды не были только исследователями материалов, поступавших от путешественников-географов, но нередко и сами совершали путешествия. Так, в 1909 г. в Турфан, Карашар и в Кучарский округ отправилась экспедиция С. Ф. Ольденбурга. Причем, как писал С. Ф. Ольденбург в письме П. К. Козлову, «есть мечты, кроме Кучи и о Дунхуане, Хами и северном крае Лоб-нора, но это м. б. только мечты»³².

Мечты о Дунхуане С. Ф. Ольденбург осуществил спустя три года, в 1914 г.³³ Во время экспедиции С. Ф. Ольденбурга в Дунхуан было сделано до двух тысяч фотографий, снят ряд планов, общий план фасада с 443 пещерами³⁴, собрано много образцов стенописи, образцов на холсте, шелке, бумаге, рукописей, уйгурский шрифт. На месте определен период существования пещер с VI в. н. э.³⁵ Наряду с проведением работ археологического характера экспедиция С. Ф. Ольденбурга осуществляла и географические изыскания, результатом которых было составление «дорожника от Чугучака до Дунхуана»³⁶.

В этот же период в Азии находился тюрколог С. Е. Малов, командированный для лингвистических и этнографических исследований³⁷.

Первая империалистическая война почти прервала дальнейшие географические, археологические и этнографические экспедиции в Азию.

На основе использованных нами в весьма небольшом объеме материалов, хранящихся в научных архивах Академии наук, Русского Географического общества и Ленинградского отделения Института востоковедения, можно сделать заключение о большой и всесторонней деятельности как путешественников-географов, так и востоковедов России по собиранию предметов материальной и духовной культуры народов древней Азии. Эти сохраненные и реставрированные письменные и материальные памятники образовали ценнейшие коллекции в Государственном Эрмитаже, Институте востоковедения, Музее этнографии, позволяющие новым поколениям ученых углубленно изучать историю народов Азии. Географические исследования и востоковедные науки в рассматриваемый нами период были комплексными. Наконец, между путешественниками-географами и востоковедами были тесные научные связи, у них существовало единство интересов и целей — стремление обогатить человеческие знания новыми открытиями и исследованиями в области географии, этнографии и истории исчезнувших и живых народов огромного азиатского материка — колыбели древнейшей цивилизации человечества.

³⁰ АРГО, ф. 18, оп. 3, ед. хр. № 250.

³¹ Там же.

³² АРГО, ф. 18, оп. 3, ед. хр. № 505.

³³ ААН, ф. 148, оп. 1, ед. хр. № 64, лл. 42—43.

³⁴ Знаменитые буддийские пещеры близ Дунхуана (КНР, провинция Ганьсу), называются Цянь фо дун, то есть «пещеры тысячи будд».

³⁵ С. Ф. Ольденбург, *Русские археологические исследования в Восточном Туркестане* («Казанский Музейный вестник», 1921, № 1—2), стр. 28—29.

³⁶ ААН, ф. 148, оп. 1, ед. хр. № 93.

³⁷ ААН, ф. 148, оп. 1, ед. хр. № 65, л. 18.